

Х.У. Юсупов

АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА АНТИУТОПИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ РЕАЛИЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; khalid.iusupov@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности применения адаптации в качестве способа передачи реалий вымышленного мира. Реалии вымышленного мира трактуются как подвид лингвистических реалий, функционирующих в рамках жанра фантастики и служащих для описания различных аспектов вымышленного мира: флора, фауна, быт, социальное и политическое устройство и т.д. Адаптация, в свою очередь, понимается как особый вид межъязыкового посредничества, часто противопоставляемый непосредственному переводу, при котором сохранение формальных и, порой, смысловых особенностей оригинала перестает быть приоритетной задачей. Ключевая особенность адаптации — ориентация на конкретного реципиента, его потребности и возможности. При этом цели адаптации могут быть различными: от попытки упростить восприятие перевода его реципиентом до желания оказать на реципиента определенное воздействие. В контексте передачи вымышленных реалий адаптация может трактоваться двояко: как адаптация изначально вымышленных предметов, понятий и явлений к реальности и как лингвокультурная адаптация, обусловленная культурными и языковыми различиями между аудиторией оригинала и аудиторией языка перевода. В фокусе данной статьи — адаптация вымышленных реалий второго типа. Особенности применения адаптации при передаче вымышленных реалий продемонстрированы на примере анализа 10 случаев передачи реалий вымышленного мира из дилогии М. Этвуд «Рассказ служанки» и «Заветы». Проведены параллели между адаптацией вымышленных реалий и созданием новой реалии (способ передачи вымышленных реалий, представляющий собой либо акт вторичной номинации существующей реалии предмета, либо введение в текст перевода реалии-предмета, сконструированной переводчиком самостоятельно).

Ключевые слова: адаптация; ирреалии; квазиреалии; реалии; реалии вымышленного мира

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-10

Для цитирования: Юсупов Х.У. Адаптация текста антиутопии при переводе вымышленных реалий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 130–140.

Юсупов Халид Умалтович — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; khalid.iusupov@yandex.ru.

Язык и культура образуют взаимозависимое единство. Как отмечает Л.И. Богданова, язык является обязательной опорой формирования культурной идентичности человека [Богданова, 2022: 12]. Н.Г. Аветисян и С.К. Восканян, в свою очередь, обращают внимание на следующее обстоятельство: будучи самым важным средством человеческого общения и мышления, язык играет важную роль при консолидации, идентификации и дифференциации как целых наций, так и более мелких языковых и культурных коллективов [Аветисян, Восканян, 2022: 68-69]. Неразрывная связь языка и культуры проявляется, среди прочего, в существовании особого вида лексики, служащей для наименования предметов, понятий и явлений, являющихся неотъемлемой частью культуры конкретного языкового коллектива и не имеющих полноценных аналогов в других культурах. В лингвистике и переводоведении для наименования данного вида лексики используют термин «реалия». С. Влахов и С. Флорин определяют лингвистические реалии как слова и словосочетания, служащие для наименования культурно-специфических объектов [Влахов, Флорин, 1980: 47]. При этом исследователи обращают внимание на два обстоятельства: лингвистические реалии обладают особой окраской (колорит) и зачастую требуют «особого подхода» при переводе [Влахов, Флорин, 1980: 47].

Понятие лингвистической реалии может быть перенесено в плоскость жанра фантастики: авторы фантастических произведений наполняют конструируемые ими миры различными предметами, понятиями и явлениями, зачастую не имеющими аналогов в реальности. Данные предметы, понятия и явления служат для описания фантастического мира во всем его многообразии и указывают на его инаковость. Реалии вымышленного мира являются одним из основных инструментов создания образа вымышленного мира. Таким образом, реалии вымышленного мира — это особый подвид лингвистических реалий, функционирующий в рамках произведений жанра фантастики. В отечественной традиции для наименования данного вида реалий также применяется термин «квазиреалия», в то время как за рубежом чаще используют термин «ирреалия» (irrealia).

Передача вымышленных реалий, как и передача реалий обычных, представляет собой непростую задачу. Как было отмечено, лингвистические реалии представляют собой культурно-специфические единицы, зачастую не имеющие аналогов в других языках и культурах. Отсутствие конкретного предмета, понятия или явления в культурном опыте представителей определенного языкового коллектива обуславливает отсутствие в их языке лексической единицы, служащей для наименования вышеуказанного предмета,

понятия или явления. Как следствие, сталкиваясь с новыми лингвистическими реалиями, переводчик редко имеет возможность работать с готовыми соответствиями. При этом, помимо непосредственной передачи понятийной составляющей лингвистических реалий, остается актуальным вопрос сохранения колорита, т.е. определенной окрашенности слова, обусловленной принадлежностью описываемого им референта к конкретной культуре и / или временному периоду. Так, описательная передача лингвистической реалии может привести к утрате связи с исходной культурой и, как следствие, искажению образа.

Будучи тесно связанными с описываемыми фантастическими мирами, реалии вымышленного мира, как и обычные реалии, обладают определенной окрашенностью, которую можно обозначить термином «фантастический колорит». Принципиальная возможность передачи вымышленных реалий при помощи подбора готовых соответствий зависит от степени мотивированности конкретной вымышленной реалии невыдуманными лексическими единицами: реалии вымышленного мира, имеющие в своем составе невыдуманные слова, в целом поддаются переводу при помощи подбора соответствий. Реалии вымышленного мира, представляющие собой авторские неологизмы, чаще требуют применения иных переводческих приемов: калькирование, транскрибирование и т.д. При этом важно подчеркнуть, что даже в случае, когда вымышленная реалия представляет собой невыдуманную лексическую единицу, она по-прежнему остается плодом воображения автора. Связь таких вымышленных реалий с невыдуманными лексическими единицами обусловлена тем обстоятельством, что автор фантастического произведения так или иначе опирается на свой языковой и культурный опыт при конструировании собственного вымышленного мира. По этой же причине в фантастических произведениях могут встречаться и невыдуманные реалии.

Переводческие трудности обуславливают наличие широкого арсенала средств передачи реалий вымышленного мира: транскрипция, транслитерация, калькирование, полукалькирование, применение трансформаций, введение функционального аналога и т.д. При этом, как можно заметить, набор способов передачи вымышленных реалий в целом схож с тем, что применяется при передаче обычных реалий. Тем не менее есть и более специфичные способы передачи реалий вымышленного мира. К ним, в частности, относится создание новой реалии, которое может трактоваться либо как создание нового названия (реалии-слова) для уже существующей реалии-предмета оригинала (при этом связь с исходной лексической единицей может сохраняться лишь частично), либо как введение в текст

и мир произведения новой реалии-предмета, сконструированной переводчиком самостоятельно. Создание новой реалии тесно сопрягается с другим способом передачи вымышленных реалий — адаптацией.

Как отмечают Г.Т. Хухуни и А.А. Осипова, стремление к приспособлению текста к особенностям заданной аудитории стало неотъемлемой частью европейской и американской переводческой традиции в середине XX в. [Хухуни, Осипова, 2021: 216]. В связи с этим в переводоведении возникло представление об особом виде межъязыкового и межкультурного посредничества, нацеленного на адекватную передачу исходного текста, но не являющегося переводом в привычном понимании данного термина. Согласно определению В.Н. Комиссарова, адаптация, или адаптивное транскодирование, представляет собой «вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации» [Комиссаров, 1990: 48]. Главной особенностью адаптивного транскодирования является ориентация на определенную группу реципиентов или на конкретную форму преобразования информации [Комиссаров, 1990: 48]. Похожей позиции придерживается Г.Т. Хухуни, который трактует адаптацию как особый вид передачи иноязычного текста, при котором происходит сознательное преобразование его формальной и содержательной стороны, обусловленное ориентацией на конкретного реципиента [Хухуни, 1996]. При этом исследователь подчеркивает, что в широком смысле термин «адаптация» может означать любую модификацию исходного текста, призванную сделать данный текст более доступным для реципиента, которому данный текст не был предназначен изначально (Г.Т. Хухуни обозначает данного реципиента термином «вторичный адресат») [Хухуни, 1996].

Анализируя причины применения адаптации, Г.Т. Хухуни обращает внимание на ряд экстралингвистических факторов: идеологический, религиозный, возрастной и эстетический (несовпадение представлений о прекрасном между первичной и вторичной аудиториями), а также фактор наличия лакун между сопоставляемыми культурами [Хухуни, 1996]. При этом Г.Т. Хухуни отмечает, что причины адаптации могут иметь и лингвистический характер (в данном случае речь идет о межъязыковой адаптации, которую Г.Т. Хухуни сближает с понятием перевода), к которым исследователь, среди прочего, относит несовпадение грамматических категорий, формально наличествующих в сопоставляемых языках (так, исход-

ная лексическая единица и ее соответствие в языке перевода могут иметь разный грамматический род, что может создать трудности при ее передаче, обусловленные контекстом), а также двусмысленность интерпретации информации, возникающую в процессе передачи исходного текста [Хухуни, 1996].

Таким образом, адаптация представляет собой особый способ передачи иноязычных текстов, ориентированный на определенного реципиента, при котором сохранение формальных и, в некоторых случаях, содержательных особенностей текста уходит на второй план. В наиболее экстремальных случаях адаптация может превращаться в соавторство, когда переводчик фактически создает собственный текст, связанный с оригиналом тематикой и / или заданным эффектом. В.Н. Комиссаров отмечает, что так, в частности, адаптируют рекламные тексты: перевод рекламы превращается в создание параллельного текста, «связанного с оригиналом лишь единством рекламируемого товара и общей прагматической задачей — побудить покупателей приобрести этот товар» [Комиссаров, 1990: 50]. Текст может быть адаптирован с учетом разных особенностей реципиента: культурных, идеологических, демографических и т.д. Цели применения адаптации также могут быть различными: сделать текст более доступным реципиенту перевода (упрощение текста, его сокращение, облегчение восприятия реалий другой культуры и т.д.), приблизить восприятие текста перевода реципиентом перевода к восприятию текста оригинала реципиентом оригинала, оказать определенное воздействие на реципиента перевода и т.д. При этом происходит существенное преобразование исходной лексической единицы и окружающего ее контекста.

Адаптация широко применяется при передаче всех видов безэквивалентной лексики. Несмотря на это, адаптация реалий вымышленного мира обладает собственной спецификой. Так, в отношении реалий вымышленного мира адаптация может пониматься двояко. С одной стороны, мы можем говорить об адаптации реалий вымышленного мира, обусловленной культурными и языковыми различиями, а с другой — о замене изначально вымышленных предметов, понятий и явлений на их аналоги из реальности, что можно назвать адаптацией к реальности (такой вид адаптации вымышленных реалий сопровождается введением функционального аналога или применением генерализации; адаптация к реальности может привести к утрате фантастического колорита исходной единицы, в связи с чем данный вид адаптации реалий вымышленного мира должен применяться с особой осторожностью). В рамках данной статьи мы остановимся подробнее на адаптации вымышленных реалий первого типа.

Адаптация реалий вымышленного мира первого типа заключается в преобразовании культурной и языковой информации оригинала с учетом культурных и языковых особенностей реципиента перевода. Данный вид адаптации вымышленных реалий применяется в том случае, когда передача вымышленных реалий без существенного преобразования исходной лексической единицы и окружающего ее контекста становится невозможной или нежелательной в силу культурных и языковых различий.

Обратимся к анализу конкретных примеров адаптации реалий вымышленного мира. В качестве материала для исследования была выбрана диалогия канадской писательницы М. Этвуд «Рассказ служанки» и «Заветы», по достоинству считающаяся современной классикой антиутопии. С одной стороны, антиутопия М. Этвуд имеет феминистический характер: в диалогии активно исследуется проблема гендерного неравенства и эксплуатации женщин (в частности, контроль женской фертильности и деторождения). С другой — данную диалогию можно воспринимать несколько шире, как критику тоталитаризма: М. Этвуд показывает, как работает тоталитарный режим и как он меняет человека. При этом важно отметить, что М. Этвуд затрагивает проблему эксплуатации религии в целях оправдания насилия. По этой причине диалогия М. Этвуд пронизана отсылками к ветхозаветным и новозаветным сюжетам. Диалогия М. Этвуд удостоилась нескольких премий, а также получила киноадаптацию: в 1989 г. по мотивам первой части диалогии был снят фильм, а в 2017 г. состоялась премьера сериала, который выходит по сей день (американский стриминговый сервис Hulu, занимающийся производством сериала, также планирует экранизировать вторую часть диалогии «Заветы»). Помимо этого по мотивам первой части диалогии было поставлено несколько спектаклей, опера и балет.

Методом сплошной выборки в текстах диалогии было отобрано 176 примеров реалий вымышленного мира. Адаптация была применена при передаче 10 вымышленных реалий (важно отметить, что данные случаи адаптации вымышленных реалий также могут быть классифицированы как создание новой реалии-слова, поскольку они фактически представляют собой акты вторичной номинации уже существующих реалий-предметов). Несмотря на то что количество случаев применения адаптации относительно невелико (5,68% от общего числа примеров передачи вымышленных реалий), они представляют особый интерес. Рассмотрим вышеуказанные примеры подробнее.

Mayday — название повстанческой организации, выступающей против тоталитарного режима Галаада (глубоко религиозное вымышленное государство, возникшее на территории США и служа-

щее в качестве места действия для диалогии М. Этвуд). Данное название образовано от названия международного сигнала бедствия «Mayday» (английская транскрипция французского “m’aidez”, являющегося сокращенным вариантом фразы “venez m’aider” (помогите мне)). Также Mayday является кодовым словом, благодаря которому члены вышеуказанной организации узнают своих соратников. Данная реалья диалогии была передана на русский язык как «Мой день». Несмотря на то, что данный вариант перевода утратил прямую связь с сигналом бедствия, его можно назвать удачным, поскольку сохранение исходного названия в виде транскрипции «Мэйдэй» или его трансплантация привели бы к дополнительным трудностям с передачей кодового слова, которое должно применяться в речи незаметно для непосвященных (“It’s a beautiful *May day*”, “Around the first of May I think it was. What they used to call *May Day*”), в то время как в переводе на русский язык «Мэйдэй» и “Mayday” так или иначе будут бросаться в глаза. Стоит также подчеркнуть, что полученный вариант перевода созвучен оригиналу, что переводчик подчеркнул при помощи дополнения: «Мой день. Похоже на “Мэйдэй” — был такой сигнал бедствия, давным-давно, в одну из этих войн, которые мы изучали в школе» (оригинал: “Mayday used to be a distress signal, a long time ago, in one of those wars we studied in high school”). Важно отметить, что слово “Mayday” является компонентом трех других реалий диалогии, представляющих собой названия структурных подразделений вышеуказанной организации. При передаче данных реалий переводчик следует принципу единообразия, сохраняя новое адаптированное название: *Mayday Lincoln Brigade* — Линкольновская бригада «Моего дня», *Mayday Intelligence* — Разведка «Моего дня», *Mayday Resistance* — Сопrotивление «Мой день».

Holy Roller — неформальное название машин, печатающих молитвы на заказ. Название данных машин образовано от выражения «holy roller», которое используют для обозначения протестантов, принадлежащих к Движению святости. Во время службы члены данного движения впадают в особый религиозный транс: они начинают дрожать, кричать, танцевать и кататься по полу (to roll on the floor). Данное название было передано на русский язык как «Распродажа Блажи». С одной стороны, полученный вариант перевода устраняет связь с вышеуказанным религиозным движением, фактически являясь абсолютно новым названием для уже существующей реалии-предмета (новой реалией-словом). С другой — сохранить данную связь без введения культурологического комментария практически невозможно. В данном случае адаптация посредством введения новой реалии-слова представляется наиболее удачным

решением. При этом необходимо подчеркнуть, что новое название сохраняет аллитерацию и ассонанс, заложенные автором в оригинале: Holy Roller (повтор “l” и “o”) — Распродажа Блажи (повтор «ж» и «а»).

Particucition — вид казни, подразумевающий растерзание обвиняемого мужчины толпой служанок. Как правило, так казнят политических преступников, а служанкам объявляется, что обвиняемый совершил какое-либо преступление в отношении женщин: изнасиловал служанку, убил беременную женщину и т.д. Данное название, образованное от слов “participation” и “execution”, является отсылкой к названию канадской организации ParticipACTION, созданной в 1970-х годах с целью популяризации здорового образа жизни и спорта. В русском переводе данное название было заменено на новое — причастика (по-видимому, является слиянием слов «причастие» и «гимнастика»). Данный вариант перевода устраняет связь с вышеуказанной организацией (как и в предыдущем случае, данную связь трудно передать без культурологического комментария), подчеркивает ритуальный характер происходящего (причастие), но, как это ни парадоксально, сохраняет отсылку к спорту.

Bun-Dle Buggies — название специальных фургонов, в которых желающие могли уединиться с женщинами легкого поведения. Данные фургоны были популярны до установления режима Галаада, после чего они были запрещены. Название “Bun-Dle Buggies” образовано от словосочетания “bundle buggy”, что можно передать на русский язык как «сумка-тележка». При этом графическое выделение слога «bun» в названии создает игру слов: сленговое слово “bun” означает «зад», «попа» и т.д., благодаря чему название обретает сексуальный подтекст. В переводе на русский язык данное название было адаптировано: «Авто-Попа-Дание». Полученный вариант перевода сохраняет заложенную автором игру слов, делает ее доступной для русскоязычного реципиента.

University of Denay — название вымышленного университета, в котором прошла конференция исследователей истории Галаада спустя 200 лет после его краха. Название университета, предположительно, является отсылкой к “dene” (дене), коллективному названию нескольких индейских народов, проживающих на севере Канады. Важно подчеркнуть, что название университета упоминается вместе с названием вымышленной местности “Nunavit” (по-видимому, является отсылкой к острову Нунивак; также может быть отсылкой к Нунавуту, самой крупной территории Канады). Такое расположение анализируемых лексических единиц создает игру слов: University of Denay, Nunavit — deny none of it (не отрицай этого). Переводчику удалось сохранить данную игру слов посредством

адаптации названия университета: Университет *Исти, Нанавит* — Истина.

Thank Tank — специальное заведение, в котором насильно удерживали и пытали специально отобранных женщин с целью склонить их к сотрудничеству с режимом Галаада сразу после его установления. Данное название содержит игру слов, являясь отсылкой к выражению “think tank” (мозговой центр, экспертно-аналитический центр, фабрика мысли и т.д.). На русский язык данная реалия диалогии была передана как «Палата “Исполать”». Несмотря на то, что исходная игра слов была утрачена, новое адаптированное название сохраняет рифмованность оригинала и его семантику (thank → благодарить → благодарность → исполать (слава, хвала)).

Carpitz — название магазина ковров, служащего тайным убежищем для галаадских беженцев, мигрировавших в Канаду. Название магазина представляет собой искаженное «carpets» (ковры). В русскоязычном переводе данное название было адаптировано и передано как «Коврык», что позволило сохранить авторскую задумку с искаженным названием и сделать ее доступной русскоязычному реципиенту.

Таким образом, мы считаем возможным заключить, что адаптация является одним из наиболее интересных способов передачи реалий вымышленного мира. Лингвокультурная адаптация вымышленных реалий оказывается особо продуктивной в случаях, когда непосредственный перевод или заимствование реалий вымышленного мира может привести к искажению авторского посыла и утрате важных элементов смысла. При этом стоит обратить внимание на то, что адаптация вымышленных реалий, как правило, сопровождается созданием новой реалии-слова — нового названия для уже существующей реалии-предмета (важно отметить, что само по себе создание новой реалии-слова не всегда представляет собой адаптацию; создание новой реалии-слова может быть продиктовано простым желанием переводчика привнести в текст перевода частичку собственного авторского видения, а не стремлением упростить восприятие оригинала, оказать заданный эффект и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисян Н.Г., Восканян С.К.* К вопросу о соотношении языка, культуры, мышления через призму лингвистических учений // Вестн. Моск. унт-га. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 67–78.
2. *Богданова Л.И.* Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестн. Моск. унт-га. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.
3. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
4. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 1990.

5. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Референция или прагматика? (о возможных стратегиях переводов Библии) // Вестн. Моск. унт-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 215–224.
6. Хухуни Г.Т. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. 1996. С. 206–215.

Khalid U. Yusupov

ADAPTATION OF DYSTOPIAN TEXTS: RENDERING FICTIONAL REALIA

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
khalid.iusupov@yandex.ru*

Abstract. The article explores adaptation as a means of rendering fictional realia. Fictional realia (also known as quasi-realialia and irrealialia) are understood as a special kind of linguistic realia (culture-specific items) that exist within the genre of speculative fiction. These lexical units describe various aspects of fictional worlds: flora, fauna, everyday life, social and political structure, etc. Adaptation in general is defined as a specific form of intercultural and interlingual mediation that relies heavily on capabilities and necessities of a target audience. Unlike regular translation, adaptation does not necessarily strive to preserve formal and, in some cases, semantic features of the original text. Adaptation can be used for different purposes: to make a text more comprehensible to a target audience, to influence a reader in a specific way, etc. When it comes to rendering fictional realia, adaptation can be interpreted in two ways. Firstly, it can be defined as adaptation of fictional objects, concepts, and phenomena to reality (when fictional realia are replaced by their real counterparts). And secondly, it can be understood as linguacultural adaptation that is conditioned by cultural and linguistic differences between an original and a target audience. The article primarily focuses on the second type of fictional realia adaptation. The *Handmaid's Tale* and *The Testaments* by Margaret Atwood are used as source material for the study. The article draws connections between fictional realia adaptation and creation of new fictional realia (a means of rendering fictional realia that can be defined as either giving a new name to an existing fictional realia or introduction of a completely new fictional realia).

Key words: adaptation; culture-specific items; fictional realia; irrealialia; quasi-realialia; realia

For citation: Yusupov Kh.U. (2023) Adaptation of dystopian texts: rendering fictional realia. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3 (26), pp. 130–140. (In Russ.)

About the author: Khalid U. Yusupov — Postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; khalid.iusupov@yandex.ru.

REFERENCES

1. Avetisyan N.G., Voskanyan S.K. 2022. K voprosu o sootnoshenii yazyka, kul'tury, myshleniya cherez prizmu lingvisticheskikh uchenii [The relation between language, culture and thought viewed from the perspective of linguistic theories]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 67–78. (In Russ.)
2. Bogdanova L.I. 2022. Tsennosti i otsenki v protsesse kul'turnoi transmissii [Values and estimates in cultural transmission]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)
3. Vlahov S., Florin S. 1980 *Neperevodimoe v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
4. Komissarov V.N. 1990. *Teoriya perevoda* (Lingvisticheskie aspekty) [Translation studies (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Khukhuni G.T., Osipova A.A. 2021. Referentsiya ili pragmatika? (o vozmozhnykh strategiyyakh perevodov Biblii) [Reference or pragmatics (about possible strategies of Bible translations)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 215–224. (In Russ.)
6. Khukhuni G.T. 1996. Khudozhestvennyi tekst kak ob"ekt mezhkul'turnoi i mezh'yazykovoi adaptatsii [Literary text as an object of intercultural and interlingual adaptation]. In Ufimtseva N.V. (ed.) *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural features of linguistic consciousness]. Moscow, Eidos (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.02.2023;
одобрена после рецензирования 20.03.2023;
принята к публикации 22.03.2023

The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 20.03.2023;
accepted for publication 22.03.2023